

ФОЛЬКЛОРНАЯ ПОЭТИКА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Б. СИНОЧКИНА

В арсенале словесно-изобразительных средств русского фольклора имеется немало специфических приемов, характеризующих в настоящее время лишь данный вид речевой деятельности. Таково, в частности, употребление двух равнозначных либо предельно близких по значению слов типа *знать* — *ведать*, *путь* — *дорога*, *вкупѣ* — *вместе*, выражающих одно понятие. Единичные в современной обиходно-бытовой речи, в авторской поэзии подобные образования воспринимаются как дань намеренной стилизации. Общепринятым следует считать мнение, что „сочетания синонимов — явление, свойственное (и характерное) почти исключительно устному творчеству, а отнюдь не языку в целом“¹.

Небезынтересно, однако, определить истоки данной фольклорной традиции, проследить, как менялось функционирование синонимических сочетаний в ходе развития русского языка, и выяснить, почему именно народнопоэтическое творчество оказалось ныне исключительной сферой их активного применения.

Обращение к нашей древней письменности показывает, что совместное употребление слов-синонимов было широко распространённым явлением в минувшие эпохи. Так, уже в самых ранних публицистических и собственно литературных произведениях Руси встречаем разнообразные синонимические пары. См. в „Поучении Владимира Мономаха“²: Отыми от убогаго сердца моего *гордость* и *бвѣсть* (155); человекълюбець богъ *милостивъ* и *премилостивъ* (155); и *благословено* и *хвално* имя твоѣ (156); кто *не похвалитъ*, *ни прославляетъ* силы твоѣя (156); всяка чюдеса и ты доброты *створивъ* и *здѣлавъ* (156); что есть *добро* и *красно*, но еже жити братья *вкупѣ!* (163).

Немало синонимических пар найдем мы и в „Слове о полку Игореве“³. Приведем наиболее характерные из них: *забывъ*... *своя милья хоти*, *красныя Глѣбовны*, *свѣчая* и *обычая* (15); То было *въ ты рати*, и *въ ты плѣкы* (16); Уже намъ своихъ милыхъ *ладъ ни мыслию смыслити*, *ни думою сдумати* (17); *Туга* и *тоска* сыну Глѣбову (21); *Ни хитру*, *ни горазду*... суда божиа не минути (26).

¹ Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII — XX вв. — М. — Л., 1963, с. 265 — 266.

² Цит. по изданию: Поучение Владимира Мономаха. — В кн.: Повесть временных лет. — М. — Л., 1950, ч. I. Здесь и далее в скобках приводятся страницы указываемых изданий.

³ Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М. — Л., 1950.

Богат синонимическими парами и язык воинских повестей. Так, в „Повести о разорении Рязани“⁴ встречаем: от великаго того *плача и рыдания* (10); и бысть сеча *зла и ужасна* (11); А Батьеве силе *велице и тяжце* (11); Все равно *умроша* и *едину чашу смертную пиша* (12); на великую силу-рать татарскую (14); *кричаще велми и рыдаше* (15); *чести-славы* ни от кого прие-млет (16); в *правде-истине* пребывае (18). Не чужды синонимические соче-тания и языку „Задонщины“⁵: *тугою и печалию* покрываша (33); *честь и славу* мира сего получитьи (33); Начати поведати *по делом и по былинам* (34); ищут себе *чести и славнаго имени* (37); встонала земля татарская, *бедами и тугою* покрываша (40). Находим сочетания синонимов и в позднейшей „Повести о походе Ивана IV на Новгород в 1570 году“⁶: Таково убо бысть во дни наша велне *потрясение, и поколебание* (477); в богоспасаемом *преиметом и славном* граде (477); на *изящных имених* человек (478); ожесточит бог сердце... князю *великим гневом* и неукротимую *яростию* и великим *озлоблением* на Великий Новъград (478); воинских людей *велие и безчисленное* множество (478); *многое безчисленное* множество полков (479); *именитых изрядных* людей (481); *горце и лютю* мучити (481); чтобы нам господь бог подаровал свыше *победу и одоление* на вся видимая и невидимая враги наша и *супостаты*. А судит бог *изменнику* ... Пимину, и его злым *советником и единомыслеником* (483).

Находим мы синонимические пары и в исторических повестях о событиях „Смутного времени“, например, в „Сказании Авраамия Палицына“⁷: *глаголетъ и дѣствуетъ* нелѣпо о ближнѣшнихъ брата си (475); въ странахъ *славенъ и почитаемъ* бѣяше (478); *драгимъ каменѣм* многимъ *многочѣннымъ* украшено (486); хотяще *широцѣ и пространнѣ* величати (488); *невѣжда же и ненаученѣи*, тѣи церковнае правленѣ воспремляху (488); *широкѣи бо и пространнѣи* путь въ пагубу ведеть (490); Нѣмецъ же и Литву *хранители и страже* постави себѣ (495); и *вся злая и лютая* видяше и слышаше (502); съ терпящими *бѣды и напасти* (505); имъ же не споболѣхомъ, *ни плакахомся, ни рыдахомся* (508); навывше отъ многихъ еретиковъ *ихъ злыхъ нравомъ и обычаемъ* (509); не вси ли *лютыми и горкими* смерти скончашася (523).

„Повесть об Азовском осадном сидении“⁸, облеченная в форму „казачьей отписки“, представляет собой на самом деле образец не деловой речи, а народно-литературного типа языка, о чем свидетельствует вся система используемых в произведении речевых средств, в том числе и синонимические сочетания, частью представляющие собой традиционно-книжные обороты, частью же — народно-разговорные. Ср.: живых *загрести и засыпати* бы им гарю великаю (60); горы *высокия и страшныя* забелелися (61); стала гроза *великая* над нами *страшная* (61); Прогневали вы Мурата *салтана царя* Турского (63); *славной и красной* Азов град (63); через цареву такую милостивую *речь*

⁴ Повесть о разорении Рязани. — В кн.: Воинские повести древней Руси. М. — Л., 1949.

⁵ Слово о Куликовской битве Софония Рязанца (Задонщина). — Там же.

⁶ Повесть о походе Ивана IV на Новгород в 1570 году. — В кн.: Изборник. (Сб. произведенный литературы древней Руси). М., 1969.

⁷ Сказание Авраамия Палицына. — В кн.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1891.

⁸ „Поэтическая“ повесть об азовском осадном сидении 1642 г. — В кн.: Воинские повести древней Руси.

и заповедь (64); воров-разбойников (64); на муки лютые и грозные (64); много и неисчетным богатством (65); тот шах персидской царь (65); умом немецким и промыслом (66); не изведет казачья имени и прозвища (66); и вечной стыд и позор (66); срамота, и стыд, и укоризна ему вечная будет (67); красной хорошею Азов город (67); не разбоиничеством и не татинским промыслом (67); государство Московское велико и пространно (68); для собрания силы и полков (71); дивен и страшен приход их (71); ведомы нравы казаки и обычаи (74); дадим мы вам про себя знать и ведать памятно на веки (78); позор и укор до веку (79); от многого того плача и рыдания (79); О чистых девах и непорочных (79); возметься окоянные и вострепетать, побежали (80); великая и страшная туча (80).

Цель нашей небольшой выборки из произведений разного времени — показать, что употребление синонимических пар было известно древнерусской светской литературе на всем протяжении ее существования, начиная с XI в. вплоть до XVIII. Разумеется, количество синонимических сочетаний, их лексический состав и назначение варьируются в зависимости от жанра произведения, степени отражения в нем живого разговорного языка, индивидуальной языковой манеры писателя, но самый принцип объединения лексем на основе их семантической общности в определенных выразительных целях (усиления или уточнения значения) остается неизменным в языке повествовательной литературы древней Руси, включая и летописание.

Обратимся далее к деловой письменности, которая, отдавая дань официальной шаблонной манере изложения с ее традиционными, устоявшимися формулами и кочующими из одного документа в другой формами выражения, тем не менее по самой своей сути не могла вместе с тем не отражать и повседневной бытовой речи: при записи (порой дословной) показаний свидетелей в судебных документах, при изложении конкретной бытовой просьбы в челобитной и т.п. В. В. Данилов, исследовавший язык деловых памятников Руси XVI—XVII вв., свидетельствует, что, в частности, язык грамот насыщен синонимическими словами и выражениями. „Из грамот, — пишет он, — можно выбрать несколько десятков синонимов, имеющих целью усилить впечатление от сообщения, сделать весомым приказание, более строгим выговор, глубже разжалобить лицо, которому адресована челобитная“⁹. Приводимые В. В. Даниловым многочисленные примеры синонимических выражений в деловой письменности XVI—XVII вв. ни по составу, ни по функции не отличаются от синонимических сочетаний, представленных в летописях и исторической беллетристике того же времени. Ср.: зело оскорбися и опечалися (1567 г.); плачут и рыдают (1611 г.); скорбите и жалеете (1613 г.); для смуты и штотости (1614 г.); ехати им в свою землю безо всякого задержания и зацепки (1614 г.); бережно и усторожливо (1625 г.); училини памятно и славно во веки (1613 г.); Ныне мы, холопи государевы, стали пещи и бесконны (1614 г.); молили и просили (1616 г.); в покое и тишине (1625 г.); свободны и вольны, куда хотят (1627 г.); не боясь и не страшась никого ни

⁹ Данилов В. В. Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства в XVII в. — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, М. — Л., 1955, т. XI, с. 213.

в чем (1635 г.); А старцом велети жити в монастыре *стройно, смирно и немятежно, в покорении и в повиновении* (1640 г.).

Однако вряд ли следует видеть (ср. название упомянутой статьи В. В. Данилова) в применении синонимических пар и сочетаний синонимов в делопроизводственных документах проявление сознательной установки их авторов на художественность речи. Сочетания типа *пеши и бесконны, не бояться и не страшиться* — не риторический прием, не элемент красочного словесного оформления, а обычное речевое средство, усиливающее передаваемое значение, которое было вызвано к жизни определенным состоянием лексико-семантической системы языка и потому присуще любому языковому проявлению (отражающему характерные для данной системы отношения) достаточного объема.

Встречаем мы их и в отчетах („статейных списках“) русских послов, где по установленной форме объективно излагался ход посольства¹⁰. Сочетания синонимов представляют собой ординарное коммуникативное средство в скупом, лишенном украшательства языке отчетов. Ср.: Мы деи того у бога *молим и просим*, чтоб меж наших государей был *мир и любовь* (64); а Айдар к тебе приедет из города и станет тебя *чтити и потчивати* (67); и в *слове своем в правде* не стоит (70); и *дума* у него и *збор* о том со царевичи и съ их ближними людьми была великая (71); и нам деи в том великой *сором и безчестье* (82); а турским людям от киборзян живет *шкота и изрон великий* (87); посмотрите наших *чинов и обычаев*, как мы по своей вере богу молимся и обедню у нас поют (175); с великим *прошеньем и челобитием* (188); и он де с кручины так и *сканчался и умер* (216); И мы о том *пособоровали и подумали* (218); чтоб вам нигде никакова *задержания и мешкоты* ни за чем не было (233).

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что в XVI—XVII вв. синонимические пары еще имели опору в живом употреблении, были широко распространены в бытовой повседневной речи, именно поэтому их должно рассматривать как категорию семантико-синтаксическую, как одно из выразительных средств древнерусского языка, но не как элемент художественной формы. Сочетания синонимов (с несущественными отличиями, обусловленными жанровой спецификой) встречаются, как мы убедились, во всех видах древнерусской письменности и всегда обладают смысловой нагруженностью, выполняя функцию усиления или уточнения выражаемого значения¹¹.

Сочетание равнозначных слов служило в языке восточнославянской и русской народности речевым средством повышения коммуникативной четкости языка. Синонимические сочетания являлись своеобразным семантическим контекстом, в котором реализовалось требуемое значение полисемичного слова. Нередки в письменности синонимические пары, где в качестве глосс

¹⁰ Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. — М.—Л., 1954.

¹¹ Исключение составляет лишь риторический стиль „извития“, или „плетения словес“, где синонимические слова и выражения (а также близкие по значению перифразы) часто нагромождались одно на другое даже в ущерб смыслу, создавая словесную „сытость“. Сочетания синонимов в данном случае не только выполняют коммуникативную функцию, но и преследуют цель оказать эстетическое воздействие на читателя.

лексических локализов, а также иноязычных слов (в частности, обозначающих специфические иноземные реалии) служат их общерусские семантические эквиваленты или ближайшие соответствия. Таким образом, особенностями речевого (парного) употребления слов вынужденно компенсировалось несовершенство лексической системы¹².

Наличие у слова большого числа значений, порой весьма близких и трудно расчленимых, явилось непосредственным следствием развития лексической системы, стремления языка ответить на все возрастающие языковые потребности общества, так как „процесс присвоения новых значений к смысловому содержанию слова и процесс расширения функционального объема элементов формы является господствующим способом языкового претворения новых понятий“¹³. Но подобное непомерное расширение семантического объема отдельных слов затрудняло реализацию в тексте именно необходимого значения, ставило под угрозу коммуникативную четкость языка. С другой стороны, наличие у ряда слов идентичных значений, без какой бы то ни было логической или экспрессивной их дифференциации, лишь загружало систему, тяготеющую „к структурному равновесию, т.е. к строго определенному набору лексем, дополняющих, но не перекрывающих друг друга функционально и семантически“¹⁴.

Однако семантическое развитие отдельных слов и связанная с ним перемена места элементов лексико-семантической системы, изменение связей внутри лексических групп, отражаясь на составе и количестве синонимических пар, не влекли еще за собой принципиальных изменений в их функционировании. Синонимические пары как своеобразное речевое средство усиления (или уточнения, пояснения) значения, порожденное определенным этапом развития лексико-семантической системы языка, продолжало существовать в этом качестве до тех пор, пока в лексике, с одной стороны, существовало большое количество слов с разветвленной системой значений, частью представлявших собой своеобразный конгломерат, без четкой членимости на отдельные лексико-семантические варианты, с другой — налицо было совпадение отдельных значений разных слов, между которыми лишь намечалась семантическая либо стилистическая дифференциация. Лишь в литературном языке сформировавшейся русской нации становится ненужным, а отчасти и невозможным, одновременное употребление нескольких, различающихся лишь формально, единиц для номинации одного понятия, ибо „самым характерным моментом в становлении национального литературного языка является процесс нормализации словоупотребления“¹⁵.

Язык же древнерусского и среднерусского периодов отмечен неопределенностью и неформальностью, отсутствием четких границ между смежными по значению лексемами и внутренними — между лексико-семантическими

¹² Подробнее о функциях синонимических пар в зависимости от характера обозначаемого понятия см. в нашей статье: *Монета или белка? (К толкованию одного „темного места“ в „Повести временных лет“)*. — *Kalbotyga* (Вильнюс), 1978, ХХХ(2).

¹³ Дегтерева Т. А. *Формы проявления семасиологических законов*. — В кн.: *Законы семантического развития в языке*. М., 1961, с. 3.

¹⁴ *Маковский М. М. Теория лексической аттракции*. — ВЯ, 1965, № 6, с. 85.

¹⁵ *Дегтерева Т. А. Становление норм литературного языка*. — М., 1963, с. 164.

вариантами одного слова. Для него характерны та зыбкость и податливость структуры, которые являются приметой младенческого состояния языка и делают его гибким, пригодным для последующего развития, составляют резерв его дальнейших модификаций.

Известно, что лексико-семантическая система в каждый данный момент представляет собой динамическое равновесие, так как стремление ее к упорядоченности и симметрии находится в противоречии с необходимостью ответить на новые потребности, диктуемые процессом познания и законами коммуникации. Это противоречие является и стимулом к изменению лексической структуры, так как нарушение структурного равновесия влечет за собой изменения, цель которых – восстановить утраченную гармонию¹⁶. Таким образом, упорядоченность и стройность лексико-семантической системы всегда относительна, однако, если сравнить лексическую систему современного русского литературного языка с соответствующей системой, например, языка XVII в. (не слишком различающуюся от современной самим набором составляющих ее лексем), то разница в том, как при помощи этих сходных формально наборов элементов членился мир, будет впечатляющей. В современном литературном языке взаимоограничение слов, принадлежащих одному семантическому полю, обуславливает упорядочение границ охвата данными словами отражаемой ими действительности. Закрепление за словом меньшего, но строго определенного „кусочка действительности“ позволяет передать при том же наборе лексем действительность во всем богатстве ее проявлений, со всеми оттенками и нюансами. В языке же XVII в. на месте подобной совокупной передачи действительности семантически сходными лексемами (когда ряд близких по семантике элементов покрывает в целом определенный участок действительности, причем каждый – строго закрепленный за ним „кусочек“ и где каждому функциональному стилю соответствует свой „узор“ данной мозаики) сплошь и рядом многократное дублирование, перекрещивание значений и, как следствие, огрубленную, с большими издержками передачу внеязыковой реальности.

И до тех пор, пока ощущалась эта недостаточность лексико-семантической системы языка, существовало и парное употребление слов-синонимов не как художественное средство, не как примета какого-то определенного функционального или речевого стиля – оно существовало в языке в целом как необходимое средство реализации определенных значений.

Развитие лексико-семантической системы не только привело к значительным изменениям в составе синонимии русского языка, но и постепенно изменило самый принцип употребления синонимов. Увеличивая инвентарь лексем, язык вместе с тем избавлялся от излишних значений полисемичных слов, становился все более четким, гибким и совершенным.

Утрата многозначными словами части своих значений влекла за собой сужение их синонимических связей с равнозначными и близкочужными лексическими единицами. Так, в результате семантических сдвигов и утраты общих лексико-семантических вариантов перестали восприниматься как

¹⁶ См. об этом: Маковский М. М. Теория лексической аттракции. Макаров В. В. Компенсационная способность лексической системы и объяснение диахронических процессов. – В кн.: Вопросы описания лексико-семантической системы языка. М. 1971, ч. 2.

тавтологические многочисленные сочетания слов, функционировавшие в качестве синонимических пар в древнерусском и старорусском языках. Ср.: *закон и обычай, закон и вера, вера и правда, язык и народ, честь и дары, город и место, село и поле, год и лето, год и час, именье и живот, полк и рать, мир и любовь, мир и тишина, брак и радость, свет и заря, печаль и болезнь, труд и печаль, душа и ум, думать и гадать, любить и хотеть, сетовать и плакать, силен и велик, силен и страшен, красный и славный, хитрый и мудрый, вольно и любовно, ложно и лестно, кругом и около* и т.д.¹⁷

Семантическая избыточность и дублирование постепенно уступали место смысловой и стилистической дифференцированности. Значения и употребление сходных по смыслу лексем взаимоограничивались и уточнялись. Свое завершение эти процессы получили уже в языке русской нации, поскольку именно национальный язык „стремится к нормативности, тогда как сублимация литературного языка более ранних эпох чаще всего сочетается со свободным отношением к норме, допускает многочисленные варианты нормы“¹⁸. Для русского литературного языка это движение к единой общенациональной норме начинается примерно с тридцатых годов XVIII века¹⁹. С этого же времени отмечаются и изменения в функционировании синонимов, в частности, в одновременном употреблении двух наименований одного понятия. Если раньше подобное сочетание лексем вызывало усиление (уточнение) значения именно в силу совпадения их смысла, т.е. налицо был семантический повтор, то теперь в первую очередь осмыслялось то отличное, что разделяло эти лексемы²⁰.

Подобный сдвиг в восприятии синонимических сочетаний мог произойти не ранее, чем были четко осознаны семантические отличия, потенциально присутствовавшие в сходных по значению словах, но выявленные и закрепленные лишь в национальном литературном языке с его тяготением к строгой норме и регламентированности словоупотребления.

Семантическая дифференциация вела к тому, что синонимы не повторяли (в иной форме) наименование понятия, а по-разному, каждый с лишь ему присущими нюансами смысла, характеризовали его. Стилистическое же разграничение синонимов исключало дальнейшую возможность совместного употребления в литературном языке обеих лексем, ставших разностилевыми (т.е. функционально разносистемными) элементами. Постановка рядом двух синонимов приобретает, таким образом, иную выразительную функцию: „акцентируется

¹⁷ В свете современного языкового сознания подобные сочетания, вырванные из контекста, воспринимаются как названия двух разных понятий не только в случае, когда между словами непосредственная семантическая связь действительно оказывается разорванной (*брак и радость*), но и когда слово сохраняет в качестве маргинального старое синонимическое значение (*язык и народ, время и час*).

¹⁸ Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. — М., 1967, с. 22.

¹⁹ См.: Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. — М., 1959, с. 187.

²⁰ Различительная функция синонимов нередко акцентируется в современных дефинициях синонима. Так, В. И. Клоева считает синонимам „слова-понятия, отражающие сущность одного и того же явления объективной действительности, различающиеся дополнительными оттенками значения и служащие не столько для подмены друг друга, сколько для уточнения мысли и нашего отношения к высказываемому“. (Клоева В. И. Краткий словарь синонимов русского языка. — М., 1961, с. 4).

не усиление, уточнение значения слова или фразы, а полнота характеристики явления, предметов, качества, даваемая в различных оттенках²¹.

Приблизительно с середины XVIII столетия старое использование синонимов на основе общности их значения резко пошло на убыль в письменном литературном языке и продолжало использоваться в старом качестве лишь в устной некодифицированной речи. Наступление литературного языка на диалекты, а также поступательное движение самих говоров делает и там указанное явление отмирающим, малопродуктивным. На этом фоне особенно ярко — безошибочной приметой народнопоэтического языка выглядят синонимические пары в фольклоре. Здесь они не только не сдали своих позиций, а напротив — расширили и укрепили их.

Изустная передача — естественная форма бытования народного творчества, поэтому здесь труднее, чем в письменной литературе, проследить языковые изменения, в частности, особенности функционирования того или иного выразительного средства в разные периоды. Устное произведение существует на языке, современном моменту записи, а большая часть фольклорных записей относится ко второй половине XIX в. (очень поздно была осознана эстетическая ценность народного творчества), поэтому чаще всего в языке фольклора имеем дело уже с результатами изменений и лишены возможности проследить их во времени.

Однако, сравнив немногие дошедшие до нас записи былин XVII в. (их всего 5, небольших по объему и частью дефектных) с аналогичными записями более позднего времени, а также с современными, можно попытаться, сделав скидку на не всегда сопоставимый по тематике и объему материал, дать в самых общих чертах картину функционирования синонимических пар в языке фольклора на протяжении трех столетий. Частотность употребления синонимических сочетаний и отчасти даже функция их колеблется в различных жанрах фольклора, поэтому выбираем для сличения однородный в жанровом отношении материал. Специфика языка народного творчества отчетливее проступает в стихотворных произведениях, которые строже отвечают требованиям традиционной поэтики, „однако все жанры фольклора объединяются тем, что они представляют собой образно-художественный аспект общенародного языка в его устном бытовании“²². Общие закономерности развития языка фольклора как функционально-стилистического целого не зависят от специфики жанра, что и позволяет нам выводы наблюдений, проведенных в рамках одного жанра, распространить на народнопоэтический язык вообще.

Для сопоставления была выбрана былина о Ставре Годиновиче. Благодаря занимательности фабулы эта былина новеллистического типа (предположительно новгородского происхождения) была широко распростране-

²¹ Евгеньева А. П. Очерки по языку..., с. 282.

²² Оссоветский И. А. Об изучении языка русского фольклора. — ВЯ, 1952, № 3, с. 93. Слишком категоричным поэтому нам кажется следующее утверждение: „В пословицах не встречаются синонимические сочетания: в пословице и в разговорном „контексте“ они выглядели бы инородным телом“. (Филипповская И. А. О синтаксическом строе русских пословиц. Автореф. канд. дис. — Казань, 1955, с. 7). См. пословицы, опровергающие данный тезис: *Вздунал да седал*, да с чужого барана кожу снял (Даль В. Послов., с. 189); *Книга, а в ней кукши да фи́га* (Там же, с. 419); *До поры до времени и бог терпит* (Бусл. Послов., с. 94).

на на Руси и по сей день бытует на нашем Севере. Старейшая запись былины относится к середине XVII в.²³ Сохранившийся и опубликованный А. И. Соболевским отрывок составляет менее половины всего ее текста, причем является, вне сомнения, копией с более ранней записи.

В отрывке из записи XVII в. (текст писан без деления на стихотворные строки и содержит приблизительно 120 стихов) обнаруживаем всего одну синонимическую пару: *скоро-борзо* скидывал ... *платья посолское*. В записи первой четверти XVIII в. (около 270 стихов) их также отмечено немного: *силныя могущия* богатыри (2 раза); *небыльными* словесами *І ложными*; *І учили жить І быть* по старому (Тих-Милл., I, 54–58)²⁴. В записи же, относящейся ко второй половине XVIII в. (260 стихов), содержится значительно больше синонимических сочетаний: Было *пированье* почестной *пир*, Было *столованье* почестной *стол*; А *гридни-светлицы* белодубовы; *Гридни-светлицы* белодубовы; Скоро она *нарезається* и скоро *убирається*; *Кидалися-металися*; Во те *во подвалы-погребы*; *Глупая княгиня, неразумная*; Двендзать *силных могущих* богатырей; Отдай ты мне *дани-выходы*; Не надо мне твои *дани-выходы* (К.Д., 90–97).

Анализ языка записей былины, сделанных во второй половине XIX – первой половине XX в., показывает, что количество синонимических пар (сочетаний), применяемых тем или иным народным певцом при сказывании собственного варианта былины, а равно и число их употреблений, колеблется в довольно значительных пределах и обусловлено индивидуальной исполнительской манерой сказителя. Однако все сказители, вплоть до ныне здравствующих, широко используют прием совместного употребления синонимов. Сличение известных современных вариантов нашей былины с ранними ее фиксациями не дает даже намека на тенденцию к сужению употребляемости в ней синонимических сочетаний.

Для наглядности приведем сочетания, извлеченные из начальных 150 стихов (всего их 547) современной (1938 г.) записи былины: *У меня нету да роду племени*; *Рассердился он да разгневался*; *Закручинился он, запечалился*; *А в эту порушку да в это времячко*; Ты *коей земли да ты кой орды*; Я служил ему *да верой-правдою, верой-правдою* да ровно девять лет; *На ту пору на то времячко*; *Ела-кушала* да наслаждалася; *Скликкала-сзывала* дружинишку хоробрую (Был. Пуд., № 11).

Характерно, что синонимические пары (сочетания), используемые в изложении лишь одного былиничего сюжета, составляют вкуче весьма внушительный ассортимент синонимов, а не являются набором различных комбинаций узкого круга затверженных формул. Синонимические сочетания встречаем не только в типических, переходных „общих местах“ былины, вроде традиционной сцены пира, где добрый молодец „не ест, не пьет и не кушает“, или трафаретных вопросов при знакомстве: „Ты *коей земли да кой орды?*“, „Вы *какого роду-племени?*“ и т.п. Не менее употребительны они в „оригинальных“ частях былины, где излагаются конкретные, лишь в данной былине происходящие события и описываются ее действующие лица.

²³ Соболевский А. И. Былина о Ставре Годиниче по списку половины XVII в. – Изв. Отделения русского языка и словесности АН. СПб., 1911, т. XVI, кн. 1, с. 1–4.

²⁴ Условные обозначения фольклорных источников см. в конце статьи.

Среди лексически разнообразных синонимических сочетаний, употребленных в вариантах былины о Ставре, представлены все структурно-семантические типы сочетаний как союзных, так и бессоюзных, которые наблюдались в древнерусской письменности. Это и двусловные сочетания, где один из компонентов может быть диалектным словом либо лексемой, устаревшей по отношению к литературному языку или языку в целом: Не ради *красы-басы* молодецкой (Был. Пуд., № 65); *Речь-поговоря* — все по-женскому (Рыбн., 1, № 30); Богатырь хвастует *силой-могудой* (Был. Пуд., № 63); *Красотою-лепотою* она краше всех (Тих. — Милл., № 57); Ничего ты не знаешь, не ведаешь (Милл., № 88); Буду я бороться с има, *радится* (Был. Пуд., № 36); Ретивым она сердцем *хитра-мудра* (Тих. — Милл., № 56); *Закручинился и запечалился* (Там же, № 59); А иной — от хвастает *имением-богачеством* (Гильф., № 109); Тут *возговорил-промолвил* Владимир князь (Тих. — Милл., № 57); *Скудным, бедным* я в долг отдаю (Милл., № 87).

Сочетаться могут своя лексема с иноязычной по происхождению или экзотизм, называющий специфическую иноземную реалию, с его ближайшим семантическим соответствием в родном языке: Ой, как стали они играть в *пешки-ле, шахматы* (Ончук., № 23); От грозного *царя, хана* Крымского (Тих. — Милл., № 57).

Синонимы могут различаться степенью проявления существенного признака: *сильные-могущие* (Был. Пуд., № 46); Не наделай ты *смеху-хохоту* (Там же, № 63). Один синоним может называть действие непосредственно, тогда как другой — по его отличительному внешнему признаку: Он *спит-храпит*, а сам думу думает (Тих. — Милл., № 59).

Компоненты синонимических пар могут иметь существенные различия в семантике, нейтрализующиеся, однако, в данном контекстном употреблении: Они *слезли, сошли* с добрых коней (Тих. — Милл., № 57); Где *смахнет, стряхнет* — тут место знать (Там же, № 59); *Собрались* все богатыри да все *сбыхались* (Был. Пуд., № 36).

Пару может составлять слово и его антоним с отрицанием: *верная-неизменная* (Был. Пуд., № 36); *глупая-неразумная* (Ончук., № 23).

Наряду с разнокорневыми синонимами пару составляют также этимологически родственные слова и супплетивные образования: *понаведу* да *поразведу* (Был. Сев., № 35); *кланяется да поклоняется* (Милл., № 87); *обумеется-образумится* (Гильф., № 109); *посыльники-рассыльники* (Был. Пуд., № 63); *помнишь-памятуешь* (Рыбн., 1, № 30); *схожу-пойду* (Там же).

Объединяться могут и более двух синонимов: Не для ради *красы, басы, угожества* (Гильф., № 140); *Столованье-пированье* да почестен *пир* (Был. Сев., № 35). Слово может сочетаться с синонимичным ему по значению устойчивым сочетанием, перифразой: *Бьет челом, поклоняется* (Рыбн., 1, № 30). Как он будет *спать и опочив держать* (Тих. — Милл., № 59); Если нету у тя *денег — золотой казны* (Был. Пуд., № 63). Два фразеологизма также могут составлять пару: *думу думали — совет советовали* (Там же, № 36).

Наряду с традиционными синонимическими парами, широко употребительными в старой русской письменности и старинном фольклоре (*знать-ведать, честь-хвала, хитра-мудра*), в поздних записях былины о Ставре можно отметить и образования нового времени: И *крестьяне-мужички* были пособ-

раны (Тих.—Милл., № 58); Как же не отдать тебя за *рыцаря*, За эдакого за *витязя*? (Гильф., № 109).

Забвение точного значения некоторых историзмов сделало возможным синонимическое их употребление. Так, *латы* представляли собой сплошные металлические доспехи, а *кольчуга* — металлическую рубашку, состоящую из мелких колец. С течением времени детали старинного воинского облачения забылись и исторически разнозначные слова стали употребляться как синонимы: *Латы-кольчуги* богатырские (Был. Пуд., № 36). О происходящем семантическом сближении слов свидетельствует и следующий, невозможный ранее, атрибутивный оборот: Как снимал тут *панцырь-латушки кольчужныя* (Был. Сев., № 35). Утрата специфики слова породила новую синонимическую пару *латы-кольчуга*.

Изменяющееся языковое сознание не только создает новые пары, но и способствует разрушению старых. Традиционная фольклорная синонимическая пара может подвергнуться переосмыслению вследствие современного восприятия входящего в нее семантического архаизма. Так, пара *купцы-гости* часто встречается в народной поэзии с синонимическим определением *торговье*. В былине о Ставре при описании пира у князя Владимира встречаем: *Гости, купцы* тут *торговьи*, Похваляли они тут товарами (Тих.—Милл., № 58). Перифразой к синонимам *купцы* и *гости* выступает атрибутивное сочетание *люди торговые*. Ср. в другом варианте былины: Ишэ было тут пированье-столованье И на многих все князей, на бояров, И на многих *купцей, людей торговых* (Ончук., № 23). В записи же А. Ф. Гильфердинга этот традиционный синонимический зачин оказался разрушенным, т.к. слово *гости* понято в современном смысле, о чем свидетельствует определение *столовые*: У ласкова князя у Владимира Да был присобран почестной пир на вси князи, на вси бояра, на вси *гостюшки столовыи*, На вси людюшки торговьи (Гильф., № 169). Приведенный пример, хотя и является фактом искажения древнего текста, в то же время весьма знаменателен: он доказывает, что в случае забвения старой семантики слова, утраты мотивированности словосочетания, фольклорные синонимические сочетания подвергаются переосмыслению и изменению, а не являются чем-то застывшим, раз и навсегда данным.

Таким образом, употребление синонимических сочетаний в устной поэзии представляет собой явление обратное тому, что мы наблюдали в литературе письменной: сочетание синонимов, основанное на старом принципе совпадения семантики, не только не исчезает, но напротив, становится гораздо более употребительным. В современном фольклоре многие слова уже не мыслятся вне парного сочетания: в народной поэзии непременно встречаем не *дорога*, а *путь-дорога*, не *грусть*, а *грусть-тоска*, не *время*, а *пора-время*, не *племя*, а *род-племя* и т.д.

Однако подобный рост частоты употребления и „обязательности“ парного применения слов свидетельствует и о другом: об изменении функций синонимических сочетаний. Если в общенародном языке XVI—XVII вв. (в том числе и в языке письменной и устной литературы) они употреблялись с определенными смысловыми целями, то в современных записях фольклора это уже чисто стилистическое средство, примета определенной разновидности поэтического (в широком смысле слова) языка.

В более ранние эпохи жизни языка каждый случай употребления в качестве средства номинации не одной, а двух (и более) лексем обуславливался и объяснялся конкретными требованиями смысла, стремлением усилить либо уточнить выражаемое значение. Теряя основу в живом употреблении, где форма выражения диктуется лишь коммуникативными потребностями говорящих, синонимические пары из необходимого выразительного средства языка в целом становятся постепенно в фольклоре художественным приемом, присутствующим лишь данному виду речевой деятельности²⁵.

В том, что в поэтической (стихотворной, а шире – вообще в образно-экспрессивной) речи сохраняется явление, сфера употребления которого в обычной диалектной речи сужается, нет ничего удивительного. „Народнопоэтическая речь в отличие от разговорно-бытовой речи представляется как бы несколько сдвинутой по временной координате, несколько архаизованной. Причем эта архаизация не столько связана с сохранением фактов прошлого, известных живой речи в момент возникновения того или иного фольклорного произведения, сколько со стремлением использовать некоторые архаизмы как элемент стилистический“²⁶.

Однако языку книжной поэзии также свойственна известная архаизованность по сравнению с обиходной речью, тем не менее сочетания типа *грусть-тоска*, *знать и ведать* выглядят в ней всего лишь заимствованиями из народной речи (или являются нарочитым средством стилизации под фольклор). Почему же синонимические сочетания вошли в арсенал художественных средств именно народной поэзии?

Причина сохранности синонимических сочетаний и трансформации их в специфическое художественное средство именно в фольклоре коренится в самой природе народного творчества, особенностях его художественного метода. Устная поэзия – творчество коллективное, и элементы традиции и новаторства находятся в нем в ином соотношении, чем в поэзии книжной. Талантливый исполнитель народного произведения неизбежно является и одним из его творцов, однако изменения, вносимые им в произведение, скорее произвольны, чем осознаны²⁷. „В принципе фольклорная эстетическая

²⁵ Если дорога всегда именуется *путем-дорогой*, внешняя привлекательность – *красотой-басотой* и т.д., то, естественно, речь уже не может идти об экспрессивно-усилительной функции подобных сочетаний, ибо утрачен тот нейтральный фон (одиночное употребление), на котором парные сочетания приобретали усиленное значение. С точки зрения функциональной, сочетания слов общенародного распространения (*путь-дорога*) и пары типа *краса-баса*, *речь-поговоря* не имеют в современном фольклоре принципиальных различий, поскольку последние не несут уже толковательного значения. Сузившиеся в национальный период рамки функционирования диалектного языка сделали его исключительно местным средством общения и устного словесного творчества, бытующего лишь в данной языковой среде, где необходимость толкования отпадает по существу вещей. Оба компонента пары в равной мере известны и исполнителям, и предполагаемым слушателям: при миграции текста индиалектные элементы не удерживаются в нем и встречаются лишь в начальный момент бытования заимствованного произведения.

²⁶ Бараникова Л. И. К вопросу о функционально-стилевых различиях в диалектной речи. – В кн.: Вопросы стилистики. Саратов, 1965, вып. 2, с. 152.

²⁷ Так, А. Марков сообщает о талантливейшей сказительнице А. М. Крюковой, что она теоретически была поборницей самого точного воспроизведения текста и считала, что проклят будет тот, кто убавит или прибавит что-нибудь в старине. См.: Марков А. Беломорские былины. – М., 1901, с. 29.

норма, осознаваемая носителями фольклорной традиции, есть повторение песни или сказки, воспроизведение ее таковой, какой она жила в устах дедов и прадедов, тогда как даже средневековый поэт колеблется между верностью традиции и стремлением воссоздать ее „по-своему“²⁸.

Именно устойчивостью народной поэтики объясняется столь осязаемая ныне разнища между устной и книжной литературами. Устная словесность значительно древнее письменной, она была ее предтечей. „Светская литература, в момент своего возникновения поставившая в центре внимания историческую тему, в способе ее выражения пошла по пути, проложенному народными формами словесного творчества. Литературный эпос XI века продолжил традиции устных эпических и лирических жанров и широко применил образность живого русского языка“²⁹.

Идеализация как средство типизации была общим художественным методом как фольклора, так и средневековой письменной литературы, которые не знали полумер и полутонов. Герои в эпосе являлись либо в ореоле святости, либо представлялись как исчадия порока, чувства в лирике отличались крайней степенью проявления. Синонимические пары в качестве экспрессивного средства были одинаково употребительны как в фольклорной, так и в книжной художественной практике древней Руси.

Однако в то время, как письменная литература неуклонно продвигалась по пути к реализму, метод фольклора оставался прежним: изображать типическое, доведенное до идеала. Данное обстоятельство делало синонимические пары более употребительными именно в народной поэзии еще в то время, когда они представляли собой живое явление общенародного языка. Подобное преимущественное (пока только количественно) употребление могло уже в преднациональный период сообщать синонимическим сочетаниям легкий оттенок народнопоэтического средства выражения. По мере того, как явление переставало быть употребительным в литературном языке и исчезало из живой разговорной речи, синонимические сочетания все прочнее ассоциировались с народнопоэтической формой речи, становясь специфически фольклорным художественным приемом³⁰.

Не следует, однако, преувеличивать „архаичность“ народнопоэтического языка. Традиционность поэтики не означает, что народная поэзия бытует на языке, безнадежно отставшем от современной ему разговорной речи. Подобное преувеличение обычно бывает порождено тем, что точкой отсчета при определении степени „современности“ народнопоэтического языка избирают язык литературный, а не диалектную речь, в области распространения которой бытует анализируемое произведение. Иногда это методологический недочет, чаще же исследователь невольно бывает введен в заблуждение отсутствием записей обиходной речи, адекватной поэтической по времени и месту фикса-

²⁸ Мелетинский Е. М. Структурная типология и фольклор. — В кн.: Контекст, 1973. — М., 1974, с. 332.

²⁹ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси. — М. — Л., 1947, с. 181.

³⁰ О связи процесса формирования национального языка с выявлением функционально-стилевых особенностей народнопоэтической речи см.: Баранникова Л. И. К проблеме социальной и структурной изменчивости диалекта. — В кн.: Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969. с. 325 и след.

ции. Так, сочетания *час-время*, *мир-народ* с точки зрения современного литературного языка можно рассматривать как синонимические лишь в историческом плане. Однако в конкретном местном говоре лексемы *час* в значении „время“ и *мир* — „совокупность людей“ могут вовсе не быть семантическими архаизмами, а оказаться на проверку обычными словарными единицами активного запаса³¹.

Синонимические пары — средство художественной изобразительности, в основе которого лежит использование архаичного языкового явления, однако они не представляют собой лишь мертвые осколки старины, окаменелости, кочующие из одного произведения в другое. „Традиции в устном творчестве — не мертвая форма, она усваивается в своих принципах и поэтому раскрывает возможности к творческому развитию и созданию новых форм“³². Исследование поздних записей фольклора позволяет утверждать, что сочетания синонимов являются и в современном фольклоре действующей эстетической нормой. Так, наряду с традиционными парами *рать-сила*, *мир-народ*, мы встречаем в народной поэзии аналогичные им, но носящие отпечаток нового времени: *сила-армия*, *народ-общество*, *ученьице-образованьице* и т.д.

Таким образом, явление, утраченное языком в целом как продуктивное выразительное средство, продолжает активно употребляться (уже в новой, художественной, функции) в языке фольклора, став в нем одним из специфических средств изобразительности, придающих языку устной поэзии неповторимый колорит самобытности.

Фольклорные источники и их сокращения

- Булсл.Послов. — Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки. — М., 1854.
 Был.Пуд. — Былины Пудожского края / Предисловие и редакция А. М. Астаховой. — Петрозаводск, 1941.
 Был.Сев. — Былины Севера. — М.—Л., 1938. — Т. 1. Мезень и Печора / Записи, вступительная статья и комментарий А. М. Астаховой.
 Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. — М.—Л., 1949—1951. — Т. 1—3.
 Даль.Послов. — Пословицы русского народа. Сб. В. Даля. — М., 1957.
 К.Д. — Древние русские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. — М.—Л., 1958.
 Милл. — Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. В. Ф. Миллера. — М., 1908.
 Ончук. — Печорские былины / Записал Н. Ончуков. — СПб., 1904.
 Рыбн. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. — М., 1909. — Т. 1.
 Тих.—Милл. — Русские былины старой и новой записи/Под ред. акад. Н. С. Тихомирова и проф. В. Ф. Миллера. — М., 1894.

³¹ Ср. одиночное употребление данных слов и их дериватов в „разговорном“ жанре фольклора, где они легко, в случае устаревания, могли быть заменены своими более современными синонимами. По грибы *не час*, и по ягоды нет, так хотя по еловые шишки (Булсл. Послов., 130); *На безмирье* и Фома дворянин (там же, 116).

³² Евгеньева А. П. Очерки по языку..., с. 17.